

О единовѣрии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1870. № 1. С. 63-82.

О ЕДИНОВѢРІИ

(по поводу современныхъ толковъ литературы).

Въ прошломъ году нѣкоторыми московскими газетами былъ возбужденъ вопросъ о единовѣрїи. Дѣло началось, какъ это часто бываетъ, съ исключительныхъ замѣтокъ о взглядѣ на единовѣрїе православныхъ, единовѣрцевъ и раскольниковъ, но потомъ, въ слѣдствїе особеннаго рода обстоятельствъ, приняло такой оборотъ, что правильное рѣшенїе вопроса о единовѣрїи было признано Москов. Вѣдомостями «великимъ вопросомъ нашего времени».

Такъ какъ единовѣрїе, по мѣстнымъ условїямъ нашей церкви, дѣйствительно составляетъ предметъ первостепенной важности, то и мы съ своей стороны рѣшаемся сказать о немъ нѣсколько словъ, именно о тѣхъ сторонахъ его, которыя, по миѣнію печати, недовольно разъяснены церковїю и возбуждаютъ разнаго рода недоумѣнїя, какъ въ православныхъ, такъ въ единовѣрцахъ и раскольникахъ. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ дѣлу, считаемъ не лишнимъ, познакомить читателей съ тѣми обстоятельствами, которыя подали литературѣ поводъ затронуть этотъ важный вопросъ.

Въ 14 № Соврем. Лѣтописи за прошлый годъ г. Субботинъ помѣстилъ статью: «о предположеніи учредить въ Москвѣ братство для содѣйствія ослабленію раскола и воссоединенію раскольниковъ съ православною церковію». Въ этой статьѣ достоинный авторъ, высказывая радость по поводу того обстоятельства, что въ числѣ учредителей братства значительную часть составляютъ лица, принадлежащія къ такъ называемой единовѣрческой церкви, выразилъ въ тоже время сожалѣніе о томъ, что «у насъ еще доселѣ не установилось правильнаго понятія о единовѣрціи и объ отношеніи ея къ православію», что «доселѣ еще не вполне сознано, что единовѣрціе есть таже единая вѣра и что вся сущность различія между единовѣрческою и православною россійскою церковію, заключается въ обрядѣ, въ томъ, что первая употребляетъ въ богослуженіи такъ называемыя старыя, или, правильнѣе, старопечатныя книги, а послѣдняя—соборнѣ исправленныя по греческимъ и древнѣйшимъ славянскимъ». Продолжая развивать ту же мысль, г. Субботинъ съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что какъ «большинство единовѣрцевъ считаетъ единовѣрціе чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ православной церкви и сравнительно съ нимъ находить въ этой послѣдней разныя несовершенства», — такъ равно и «большинство православныхъ въ свою очередь мало отличаетъ единовѣрціе отъ старообрядства, или же видитъ въ немъ только приближеніе къ православію, а не единство съ нимъ и, что особенно жалко, возрѣнія такого рода поддерживаются даже нѣкоторыми изъ высшихъ представителей православнаго духовенства», и при этомъ г. Субботинъ указалъ на вятскаго преосвя-

ценнаго Аполлоса, который, какъ сообщено было въ Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, «при обозрѣніи единовѣрческой церкви, въ присутствіи единовѣрцевъ, объявилъ по одному случаю, что единовѣріе есть только ступень къ православію». «Если такъ, замѣтилъ при этомъ г. Субботинъ, то значитъ, по мнѣнію преосвященнаго, единовѣріе есть нѣчто переходное, нѣчто среднее между расколомъ и православіемъ,— ни расколъ, ни православіе, какъ дѣйствительно и стараются представить единовѣріе раскольники, ставя въ укоризну ему, эту мнимую неопредѣленность его положенія».

Въ отвѣтъ на такое замѣчаніе, въ 123 № Московскихъ вѣдомостей появилось сообщеніе изъ Вятки, въ которомъ, разъяснивъ случай, о которомъ неопредѣленно было упомянуто г. Субботинымъ, и сказавъ, что преосвященный Аполлосъ не употреблялъ выраженія: «единовѣріе есть только ступень къ православію», а замѣтилъ только православному, просившему у него позволенія перейти во единовѣріе, что «желаніе его не основательно и не уважительно, потому что православная церковь только по духу мира и любви терпитъ въ единовѣрческой церкви нѣкоторые обряды, снисходя къ немощи лицъ, издѣтства усвоившихъсебѣ оныя», неизвѣстный авторъ въ тоже время старается доказать, что «совершеннаго тождества православія съ единовѣріемъ въ отношеніи къ исповѣданію христіанской истины нѣтъ въ дѣйствительности», что единовѣріе не обладаетъ «истиной вселенскаго православія» наравнѣ съ церковію православною, что между нимъ и православіемъ есть различіе и оно признано закономъ и что, слѣдова-

тельно, г. Субботинъ неточно передалъ фактъ, сообщенный Вятскими епархіальными вѣдомостями и подавшій поводъ къ спору, или по крайней мѣрѣ неправильно осмыслилъ его, и что наконецъ «отношеніе православныхъ къ единовѣрцамъ, какое жадаеть внушить г. Субботинъ, не согласно съ правилами митрополита Платона, Высочайше утвержденными, при открытіи въ Россіи единовѣрческой церкви».

Само собою разумѣется, что такое сообщеніе изъ Вятки не могло остаться безъ отвѣта со стороны г. Субботина. И дѣйствительно въ 21 № (отъ 8 іюня) Современной лѣтописи является статья, подъ названіемъ: «нѣсколько словъ о единовѣрїи въ отвѣтъ на возраженія изъ Вятки», въ которой достопочтенный авторъ съ одной стороны защищаетъ свой взглядъ на единовѣрїе, на основаніи правилъ митрополита Платона, съ другой—старается доказать, на основаніи выше приведенныхъ нами выраженій Вятскаго сообщенія, будто авторъ его допускаеть различіе между православїемъ и единовѣрїемъ не только въ обрядѣ, но «въ самомъ православїи, въ самомъ исповѣданіи православной вѣры», и въ концѣ концовъ г. Субботинъ говоритъ, что если преосвященный Аполлосъ отказалъ православному въ правѣ перейти въ единовѣрїе, *изслѣдовавъ* предварительно, ходилъ ли онъ до того въ православную церковь и принималъ ли ея таинства, въ такомъ случаѣ, онъ поступилъ вполне согласно съ *буквой* закона, въ противномъ случаѣ онъ поступилъ несправедливо. Вообще же, по мнѣнію г. Субботина, «безусловный, рѣшительный отказъ православнымъ присоединяться къ единовѣрїю не можетъ быть принятъ постояннымъ правиломъ,

такъ какъ здѣсь дѣло касается не существенныхъ вѣры догматовъ, а только обрядовъ».

Такимъ образомъ хотя не прямо, но тѣмъ не менѣе очень недвусмысленно, г. Субботинъ осуждаетъ преосвященнаго Аполлоса, не позволившаго православному перейти въ единовѣріе, въ пристрастіи къ буквѣ закона и считаетъ подобное позволеніе возможнымъ, по крайней мѣрѣ въ видѣ исключенія.

Не то совсѣмъ заговорили послѣ «Московскія вѣдомости» (въ 131 № отъ 18 іюня), взявшіе г. Субботина подъ свою защиту. Здѣсь, послѣ длинныхъ и, нужно сознаться, весьма серьезныхъ замѣтокъ о значеніи обряда въ дѣлѣ вѣры, уже нѣтъ рѣчи о томъ, можно ли хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустить православнымъ переходъ въ единовѣріе, а прямо доказывается, что, только благодаря непослѣдовательности закона, съ допущеніемъ единовѣрія удержанъ вопросъ о томъ, можно ли и въ какихъ случаяхъ, при какихъ условіяхъ можно допустить переходъ изъ православія въ единовѣріе, какъ будто можетъ быть рѣчь о переходѣ тамъ, гдѣ признано полное единство вѣры. Въ заключеніе статьи редакціи Московскихъ вѣдомостей говоритъ слѣдующее: «дабы церковь, допустившая единовѣріе, пришла въ полное согласіе съ собою, необходимо, чтобы исчезла и самая тѣнь вѣроисповѣднаго различія между православіемъ и единовѣріемъ, чтобы единовѣріе признавалось вполнѣ православіемъ и чтобы исчезъ самый вопросъ о переходѣ изъ одного въ другое, какъ въ особую церковь. Тамъ не можетъ быть рѣчи о переходѣ, гдѣ нѣтъ различія въ исповѣданіи вѣры. Каждому должно быть предоставлено посѣщать ту или другую церковь, какъ

предоставляется каждому посѣщать церкви разныхъ приходо́въ. Только при этомъ условіи будетъ достигнута цѣль, предпоставленная при учрежденіи единоверія, только при этомъ условіи она станетъ вполнѣ правдою, которая сокрушитъ расколъ въ самомъ источникѣ его и съ тѣмъ вмѣстѣ возвыситъ характеръ православной церкви въ ея вселенскомъ значеніи. Обрядъ перестанетъ быть предметомъ религіозной распри. Все грубое и невѣжественное въ церковномъ бытѣ, предоставленное самому себѣ и лишенное духа, не можетъ держаться и скоро уступитъ мѣсто лучшему разумѣнію. Высшіе порядки и самые богослужебные тексты требуютъ очищенія и исправленія не въ одномъ единовѣрїи. Дѣлу исправленія и очищенія предстоитъ обширное поприще и у насъ. Но великимъ приобрѣтеніемъ было бы признаніе и оправданіе на дѣлѣ той великой истины, что христіанская церковь въ существѣ своемъ можетъ оставаться непобѣдимой, при полномъ разнообразіи обрядовъ и церковнаго быта. Не въ этомъ ли состоитъ великій вопросъ нашего времени!»

Такимъ образомъ, какъ видно изъ всего сказаннаго, главныя недоумѣнія въ вопросѣ о единовѣрїи, которыя, по мнѣнію московской печати, доселѣ не уяснены и не рѣшены надлежащимъ образомъ, сводятся къ тремъ слѣдующимъ вопросамъ: отличается ли единовѣрїе отъ православія и чѣмъ именно? можно ли дозволить свободный переходъ въ единовѣрїе изъ православія, какъ дозволенъ переходъ въ него изъ раскола? можно ли, наконецъ, думать, что подобное дозволеніе, или другими словами: признаніе единовѣрїя полнымъ православіемъ сокрушитъ расколъ въ

самомъ источникѣ его? Рѣшенію этихъ вопросовъ мы и посвящаемъ настоящую статью.

Первый вопросъ относительно единовѣрія, который мы предположили рѣшить, состоитъ въ слѣдующемъ: отличается ли единовѣріе отъ православія и чѣмъ именно? Но прежде, чѣмъ будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на слѣдующее обстоятельство, имѣющее, по нашему мнѣнію, важное значеніе въ разсматриваемомъ нами предметѣ.

Подъ православіемъ въ общемъ смыслѣ, какъ это извѣстно всякому, разумѣется не одно христіанское вѣроученіе, не теоритическія только истины вѣры, не основныя только начала христіанской жизни и нравственности, какъ они изложены въ словѣ Божіемъ и установлены апостолами и вселенскими соборами, но и тотъ, вѣнами сложившійся, строй церковной жизни—внѣшняго богопочтенія, обрядоваго богослуженія, церковной дисциплины, какой существуетъ въ настоящее время въ церкви православной. Эта послѣдняя сторона православія не составляетъ существа дѣла, не касается сущности православія, но и не до такой степени маловажна, чтобы можно было не обращать на нее вниманія, или считать ее безразличною. Церковь православная, храня неизмѣнно догматы вѣры и основныя начала христіанской нравственности, какъ святую, непреложную истину, въ тоже время заботится и о томъ, чтобы и внѣшняя жизнь ея — обрядовая, богослужебная, дисциплинарная вполне соотвѣтствовала ея внутренней истинѣ, была по возможности точнымъ выраженіемъ того *образа здравыхъ словесъ*, который составляетъ основу православія. На

этомъ основаніи, строго различая догматы вѣры и правила нравственности отъ обрядовъ богослуженія и порядковъ церковной дисциплины и считая первые главными, неизмѣнными и необходимыми для спасенія истинами, а вторые — второстепенными, усовершенствующимися и помогающими спасенію вѣрующихъ, церковь православная въ тоже время всѣмъ имъ даетъ значеніе христіанской истины (въ общемъ смыслѣ) и только того, кто слѣдуетъ всѣмъ въ совокупности, содержимымъ ею, истинамъ—догматическимъ, нравственнымъ и обрядовымъ, считаетъ своимъ сыномъ,—вполнѣ православнымъ. И такъ поступаетъ церковь не потому, чтобы обряду, богослужебной буквѣ усвоила существенное значеніе въ дѣлѣ вѣры и спасенія, но для того, чтобы вѣрующіе въ Господа нашего Іисуса Христа были, по апостолу, не только *утверждены въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли*, но и *тожеде глаголали вси* (1 Кор. 1, 10), чтобы всѣ чада ея славили Бога не только *единымъ сердцемъ*, т. е. согласнымъ исповѣданіемъ, убѣжденіемъ, вѣрой, но и *едиными устами*, т. е. одинаковыми священными пѣснями и словами. Впрочемъ, такъ какъ въ основѣ cadaго богослужебнаго установленія, существующаго въ церкви, лежитъ какая либо вѣроисповѣдная мысль, то церковь, строго говоря, и не можетъ смотрѣть безразлично на самые обряды. Справедливо заботясь о томъ, чтобы мысль вѣрующихъ была православна, она не менѣе справедливо можетъ и должна желать, чтобы и обрядъ возможно-точно выражалъ эту мысль. Этою-то заботою церкви о точномъ соответствіи обряда правильному ученію вѣры преосв. Филаретъ, митрополитъ

московскій и объяснялъ, какъ извѣстно, строгое отношеніе Московскаго собора 1667 года къ тѣмъ обрядовымъ погрѣшностямъ, которыя съ упорствомъ защищались приверженцами старины (Бес. къ глагол. старообр. 1844 г. стр. 117—118).

Сказаннаго нами достаточно, чтобы можно было безъ всякихъ недоразумѣній отвѣчать на вопросъ: отличается ли единовѣріе отъ православія и чѣмъ именно? Что единовѣріе не одно и тоже съ православіемъ, это, кажется, не требуетъ никакихъ доказательствъ. Стоитъ православному побывать въ единовѣрческой церкви, чтобы онъ могъ видѣть, что формы внѣшняго богопочтенія, или богослужебныя обряды, церкви единовѣрческой во многомъ отличаются отъ обрядовъ церкви православной. Тоже самое говоритъ и православіе устами своего святителя, митрополита Платона, Высочайше утвержденныя правила котораго, по сознанию самаго г. Субботина, составляютъ «главное и почти единственное законное основаніе для правильнаго рѣшенія вопросовъ о единовѣрціи». Въ мнѣніи, которое счелъ нужнымъ присовокупить къ пунктамъ о единовѣрціи покойный святитель, прямо говорится, что церковь, допуская единовѣріе и дозволяя единовѣрцамъ употребленіе тѣхъ обрядовъ, которые признаны ею неправильными, сдѣлала это по снисхожденію къ нимъ и въ той благой надеждѣ, что «таковыя со временемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ въ неразстывающее съ церковію придутъ согласіе». А если такъ, то утверждать, будто между православіемъ и единовѣріемъ нѣтъ различія, будто единовѣріе есть «вполнѣ православіе», или видѣть въ немъ не приближеніе только къ православію,

а «единство съ нимъ» значить, по нашему мнѣнію, закрывать глаза отъ очевидной истины. Правда, въ томъ же мнѣніи митрополита Платона говорится, что самое желаніе старообрядцевъ имѣть правильно рукоположенныхъ священниковъ «довольнымъ образомъ ихъ съ церковію сближаетъ, или паче *соединяетъ*», а «слова: соединеніе, единство, равенство, полное согласіе, по замѣчанію г. Субботина, противорѣчащими признаны быть не могутъ»; но выраженіе: «довольнымъ образомъ», употребленное митрополитомъ Платономъ въ приложеніи къ единовѣрцамъ, уже ясно показываетъ, что соединеніе ихъ съ церковію, по мысли святителя, есть не полное, не совершенное, и что, слѣдовательно, если между словами: «соединеніе, равенство, полное согласіе» и нѣтъ противорѣчія, за то нѣтъ между ними и полного тождества. «*Совершенное соединеніе*» съ церковію, по словамъ митрополита Платона, бываетъ только у тѣхъ старообрядцевъ, которые, «Богомъ просвѣщенные», обращаются къ православію и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляютъ «погрѣшности, отъ нерадѣнія и невѣжества взшедшія въ прежнія церковныя книги», признанныя церковію неисправными.

Итакъ, что между православіемъ и единовѣріемъ есть различіе, это выше всякаго спора. А если такъ, то мы не находимъ ничего страннаго въ выраженіи «Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостей», что «единовѣріе есть только ступень къ православію», противъ котораго такъ вооружился г. Субботинъ. Употребилъ ли это выраженіе вятскій преосвященный въ бесѣдѣ съ православнымъ, просившимъ у архинастѣры позволенія перейти въ единовѣріе, какъ заявлено было

объ этомъ «Вятскими епархіальными вѣдомостями» (1867 года № 18, стр. 549), или не употребилъ, какъ увѣряеть въ этомъ сообщеніе изъ Вятки, помѣщенное въ № 123 «Московскихъ вѣдомостей», и сами «Вятскія епархіальныя вѣдомости» (1869 г. № 12, стр. 265), для насъ это не важно; дѣло не въ лицѣ, а въ самомъ выраженіи, которое подало г. Субботину поводъ къ нареканію на православнаго епископа. Что же? можно ли сказать о единовѣрїи, что оно есть только ступень къ православію? «Никто, конечно, не будетъ отвергать, говоритъ г. Субботинъ, что положеніе стоящаго на ступени, долженствующаго или подняться къ верху, или опуститься къ низу, есть положеніе переходное, неопредѣленное, нерѣшительное, и что если единовѣрїе въ самомъ дѣлѣ есть только ступень къ православію, то оно должно быть признано чѣмъ-то переходнымъ, среднимъ между расколомъ и православіемъ,— ни расколомъ, ни православіемъ, какъ дѣйствительно и стараются представлять единовѣрїе раскольники, ставя въ упрекъ ему эту мнимую неопредѣленность его положенія». Если бы мы думали только играть словами, въ такомъ случаѣ замѣтили бы, что единовѣрїе, такъ какъ оно единовѣрїе, есть дѣйствительно ни расколъ, ни православіе. Но вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ важенъ, что шутки — въ сторону. Г. Субботинъ въ выраженіи: «единовѣрїе есть только ступень къ православію» видитъ что-то переходное, неопредѣленное, нерѣшительное, и не доволенъ этимъ. А развѣ митрополитъ Платонъ, говоря, что единовѣрїе допускается церковію въ той благой надеждѣ, что «таковые (т. е. единовѣрцы) современемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ въ неразиствующее съ

церковію придуть согласіе», обрекаль единовѣрцевъ на неизмѣнную устойчивость, на вѣковую неподвижность? Развѣ тотъ же святитель, замѣчая, что тогда какъ «нѣкоторые» отъ старообрядцевъ «Богомъ просвѣщенные совершенно соединяются» съ церковію, единовѣрцы только «довольнымъ образомъ сближаются, или паче соединяются» съ нею, не указывалъ на то; что имъ еще остается сдѣлать шагъ въ примиреніи съ церковію, чтобы «совершенно соединиться» съ нею? Напрасно г. Субботинъ смущается выраженіемъ: ступень къ православію». Во первыхъ, слово: ступень не всегда указываетъ на то, что находящійся на ней бываетъ *выше* или *ниже* того, къ чему онъ идетъ; часто ступени находятся на одной горизонтальной линіи и только показываютъ большую или меньшую степень разстоянія находящагося на нихъ отъ того предмета, къ которому ведутъ ступени. А разстояніе единовѣрцевъ отъ православной церкви ясно обозначено митрополитомъ Платономъ, сказавшимъ, что они только «довольнымъ образомъ», а не «совершенно» сближаются, или соединяются съ церковію. Во вторыхъ, если бы и допустить, что выраженіемъ: «единовѣріе есть ступень къ православію» указывается на то, что первое *ниже* послѣдняго, развѣ это не справедливо въ томъ смыслѣ, что книги, которыя употребляютъ единовѣрцы при богослуженіи, менѣе совершенны, чѣмъ тѣ, какія употребляетъ церковь православная, что обряды, которые содержатъ единовѣрцы, менѣе правильны и древни, чѣмъ обряды церкви православной, — въ чемъ сознается и самъ г. Субботинъ? А послѣ этого «сожалѣть» о томъ, что подобныя выраженія высказываются, значитъ, по

нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ напрасно тревожить себя. Упрекать же за подобныя выраженія другихъ и обвинять ихъ за это въ неправильномъ пониманіи единовѣрія значитъ плохо рекомендовать свои собственные понятія объ этомъ предметѣ. Утверждать же, какъ сдѣлали это «Московскія вѣдомости», будто преосвященный Аполлосъ выраженіемъ: «единовѣріе есть только ступень къ православію» указывалъ «на существенное различіе между православіемъ и единовѣріемъ» значитъ говорить несправду, тѣмъ менѣе извинительную, чѣмъ яснѣе опредѣленъ настоящій смыслъ этого выраженія словами, непосредственно за нимъ слѣдующими, на которыя почему-то «Московскія вѣдомости», а равно и г. Субботинъ, не хотѣли обратить вниманія: «въ единовѣрії терпятся церковію нѣкоторыя неточности обрядовыя единственно по немощи» («Вятск. епарх. вѣд.» 1867 г. № 18, стр. 549).

И такъ, повторяемъ, что единовѣріе отличается отъ православія,—это не можетъ быть предметомъ спора. Въ чемъ же состоитъ это отличіе? Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ находится въ 3 пунктѣ правилъ митрополита Платона, гдѣ сказано, что «хотя въ книгахъ, ими (единовѣрцами) употребляемыхъ, и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ». Такъ, мы должны прибавить, смотрятъ на отличіе единовѣрія отъ православія и всѣ православные, какъ пастыри, такъ и пасомые, и мы рѣшительно не понимаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Субботинъ сожалѣетъ о томъ, будто «большинство православныхъ не имѣетъ правильнаго понятія о единовѣрії и объ отношеніи ея къ православію,—будто

оно мало отличаетъ единовѣріе отъ старообрядчества». Выраженіе «Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостей»: «единовѣріе есть только ступень къ православію» не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для тако-го упрека православнымъ — и потому, что такимъ выраженіемъ, какъ мы уже говорили, опредѣляется только дѣйствительное отношеніе, въ какомъ единовѣріе находится къ православію, — и потому особенно, что воззрѣній «Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостей», если бы они были и неправильны, нельзя приписывать «большинству» православныхъ.

Правда, какъ бы въ подтвержденіе справедливости упрека православнымъ со стороны г. Субботина за неправильное пониманіе ими единовѣрія и его отличія отъ православія, сообщеніе изъ Вятки, помѣщенное въ 123 № «Московскихъ вѣдомостей», разъясняя свой взглядъ на единовѣріе и опровергая взглядъ на него г. Субботина, утверждаетъ, что «въ дѣйствительности нѣтъ совершеннаго тождества православія съ единовѣріемъ въ отношеніи къ исповѣданію христіанской истины», что единовѣріе «не обладаетъ въ равной мѣрѣ съ православіемъ истиной вселенскаго православія». Но, по нашему мнѣнію, только одно желаніе видѣть въ этихъ выраженіяхъ не то, что въ нихъ заключается, можетъ дать основаніе къ мысли, будто сообщеніе изъ Вятки признаетъ отличіе единовѣрія отъ православія не въ обрядахъ только, а и «въ самомъ исповѣданіи православной *вѣры* и вселенскаго православія», какъ утверждаетъ это г. Субботинъ. Во первыхъ, въ сообщеніи нѣтъ ни одного слова о вѣрѣ, или о догматахъ вѣры, и говорится только «о христіанской истинѣ, объ истинѣ вселен-

скаго православія». А это такія общія формулы, или выраженія, подъ которыя легко подходят не только догматы вѣры, но и обряды. А что именно въ послѣднемъ смыслѣ употреблены въ сообщеніи изъ Вятки указанныя выше выраженія, это видно изъ другихъ мѣстъ того же сообщенія, гдѣ прямо говорится, что преосвященный Аполлосъ призналъ желаніе православнаго перейти въ единовѣріе «не основательнымъ и не уважительнымъ, потому что православная церковь только по духу мира и любви терпитъ въ единовѣрческой церкви нѣкоторые обряды, снисходя къ немощи лицъ, издѣтства усвоившихъ себѣ оныя и придающихъ имъ особенно и существенно важное значеніе», — и что самъ авторъ статьи: «обозрѣніе Вятской епархіи», передавая бесѣду преосвященнаго съ православнымъ, просившимъ позволенія перейти въ единовѣріе, употребилъ выраженіе: «единовѣріе есть ступень къ православію» только въ смыслѣ «немощи, обнаруживающейся въ крайней привязанности единовѣрцевъ къ такъ называемому *старообрядству*». Эти замѣчанія ясно показываютъ, какъ нужно понимать выраженія, что между единовѣріемъ и православіемъ нѣтъ «совершеннаго тождества въ отношеніи къ исповѣданію христіанской истины», или что единовѣріе не обладаетъ наравнѣ съ православіемъ «истиной вселенскаго православія». Сознаемся: выраженія, употребленныя въ сообщеніи изъ Вятки, крайне не точны; но, по суду христіанской и даже просто гражданской правды, въ такомъ случаѣ скорѣе нужно было толковать ихъ въ пользу автора сообщенія, чѣмъ въ обвиненіе его; и это—тѣмъ болѣе, что другія выраженія того же сообщенія ясно

указывали, что разумѣлъ авторъ подъ именемъ «христіанской истины», или «истины вселенскаго православія».

Такимъ образомъ, если разсматривать спорныя выраженія вятскаго сообщенія не отдѣльно, а въ связи съ другими выраженіями, въ немъ находящимися, — а такъ именно и требуетъ здравая герменевтика; тогда окажется, что мысль, заключающаяся въ нихъ, совершенно правильна. Мало этого: по нашему мнѣнію, независимо даже отъ контекста рѣчи, неточныя выраженія сообщенія изъ Вятки, если смотрѣть на нихъ безъ всякой предзанятой мысли, не могутъ приводить къ тому заключенію, какое вывелъ изъ нихъ достопочтенный авторъ многихъ статей по расколу. Г. Субботина смущаетъ то обстоятельство, за чѣмъ авторъ сообщенія изъ Вятки обряды, содержимые православною церковію и не принимаемые единовѣрцами, назвалъ «истиной вселенскаго православія», — выраженіе, которымъ, по мнѣнію г. Субботина, подается мысль, будто единовѣрцы «погрѣшаютъ въ самой вѣрѣ». «Ужели составитель сообщенія не сообразилъ, замѣчаетъ г. Субботинъ, на какую бѣдственную участь обрекаетъ онъ единовѣріе, такъ рѣшительно утверждая, что оно не вполнѣ обладаетъ истиной вселенскаго православія, или, что одно и тоже, погрѣшаетъ въ самой вѣрѣ, и въ какомъ странномъ, исполненномъ противорѣчія, положеніи является чрезъ это сама православная россійская церковь, признавшая законнымъ и правильнымъ существованіе единовѣрія, принявшая его въ полное съ собою единеніе, которое и поддерживаетъ постояннымъ общеніемъ въ таинствахъ, и въ то же время

будто бы непризнающая единовѣрія вполне православно исповѣдующимъ христіанскую истину? Напрасно, повторимъ опять, безнокоитъ себя г. Субботинъ касательно мнимо-бѣдственной участи единовѣрія и видитъ противорѣчіе тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Подъ именемъ христіанской *истины*, которой, по словамъ сообщенія изъ Вятки, единовѣрцы не исповѣдуютъ наравнѣ съ православіемъ, разумѣются, какъ мы уже говорили объ этомъ, не одни догматы вѣры, а и обряды. А что это такъ, видно изъ самыхъ пунктовъ о единовѣрії митрополита Платона. Въ помѣщенномъ въ концѣ пунктовъ мнѣніи святитель говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «церковь все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь *истины* отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги, въ коихъ явственно и доказательно показано и *зablужденіе* отторгшихся и *погрѣшности* отъ нерадѣнія и невѣжества, взошедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ греческими и славянскими древними книгами погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей церкви православной употребляются, и хотя и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иная церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за *истину* признана и признается, однако церковь, яко мать сердобольная, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ нея великаго успѣха, разсудила за благо учинить нѣкоторое таковымъ въ *невѣдѣніи погрѣшающимъ* снисхожденіе» т. е. допустила такъ называемое единовѣріе. Если эту тираду перевести на болѣе понятную рѣчь, то выйдетъ слѣдующее: старобрядцы, ратующіе за старыя книги и обряды, погрѣшаютъ;

истина только на сторонѣ церкви православной, которая употребляетъ книги и обряды исправленные; но такъ какъ старообрядцы держатся неправильныхъ книгъ и обрядовъ по невѣдѣнію и такъ какъ эти обряды не вредятъ существу вѣры, то церковь, признавая истинными только содержимые ею обряды и книги, дозволила однако же и дозволяетъ тѣмъ изъ старообрядцевъ, которые чрезъ принятіе правильно-рукоположенныхъ священниковъ сближаются, или соединяются съ нею, — употреблять обряды неправильные въ той благой надеждѣ, что «таковые современемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ въ неразиствующее съ церковію приидутъ согласіе», т. е. окончательно вступятъ на *путь истины*, которымъ идетъ церковь православная. Такимъ образомъ, по мысли церкви православной, выраженной устами митрополита Платона, единовѣрцы дѣйствительно не одинаково съ православными исповѣдуютъ христіанскую *истину-обрядовую*, и въ этомъ случаѣ вятское сообщеніе не сказало ничего новаго, а тѣмъ болѣе «бѣдственнаго» для единовѣрцевъ.

Если же у кого возникнетъ недоумѣніе, почему въ сообщеніи изъ Вятки обряды православной церкви, не принимаемые единовѣрцами, названы «истиной *вселенскаго православія*», — и на это недоумѣніе можно дать отвѣтъ вполне удовлетворительный. «Вопросы, скажемъ словами преосв. Филарета, митрополита московскаго, голосъ котораго, по словамъ г. Субботина, имѣетъ несомнѣнную важность въ дѣлахъ церковныхъ, вопросы, какъ должно креститься, какъ должно произносить въ церкви славословіе Трѣипостасному Богу, относятся не до одной церкви російской,

но до всей православной церкви вселенской: ибо крестятся и поютъ аллилуіа не въ одной церкви російской, но во всей церкви вселенской» (Бес. къ глаг. стар. стр. 112—113). А если такъ, то что же удивительнаго и несправедливаго будетъ, если кто скажетъ, что единовѣріе, не принимающее ни троеперстія, ни трегубой аллилуіа, не обладаетъ наравнѣ съ православіемъ «истиной вселенскаго православія». Это не то будетъ значить, будто единовѣрцы «погрѣшаютъ въ самой вѣрѣ», а то, что они отступаютъ отъ обрядовыхъ истинъ, содержимыхъ всею православною церковію вселенскою. Правильно ли, или неправильно, по существу дѣла, обрядамъ придавать значеніе вселенскаго православія, — это другой вопросъ, котораго мы не касаемся, но какъ скоро такой взглядъ на аллилуіа и проч. существуетъ, и онъ высказанъ такимъ авторитетнымъ лицомъ, какимъ былъ покойный митрополитъ Филаретъ, Вятское сообщеніе, употребившее указанное выше выраженіе, положительно право. Впрочемъ, и независимо отъ взгляда на нѣкоторые обряды покойнаго митрополита Филарета, авторъ «сообщенія изъ Вятки» имѣлъ право употребить спорное выраженіе. Дѣло въ томъ, что нѣкоторымъ обрядамъ, содержимымъ православною церковію и не принимаемымъ единовѣрцами, былъ приданъ характеръ вселенскаго православія самимъ Московскимъ соборомъ 1667 года. Таково именно троеперстіе для крестнаго знаменія, которое служить главнымъ предметомъ пререканій и недоумѣній какъ для старообрядцевъ, такъ и для единовѣрцевъ (см. 5 пунктъ правилъ о единовѣрїи), и истинность, или правильность, котораго отцы собора доказывали тѣмъ,

что «такъ имуть (т. е. крестятся тремя первыми перстами десныя руки) вси народи христіанстіи, иже суть въ православіи отъ востока и до запада» (дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 486).

Наконецъ не можемъ не указать еще на одно обстоятельство, которое автору «сообщенія изъ Вятки» могло подать поводъ сказать, что нѣтъ совершеннаго тождества православія съ единовѣріемъ въ отношеніи «къ исповѣданію христіанской истины». Къ числу погрѣшностей, которыя по снисхожденію терпятся церковію въ единовѣрїи, относится, какъ извѣстно, и не правильное чтеніе единовѣрцами нѣкоторыхъ членовъ символа вѣры. Не мѣсто судить здѣсь о томъ, насколько важенъ этотъ пунктъ отличія единовѣрїя отъ православія; мы только считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слова отцевъ Московскаго собора 1667 года касательно этого предмета. Вотъ эти слова: «и святыи символъ прїимати и глаголати, якоже святїи и богоноснїи отцы въ первомъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Никеѣ, и во второмъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Константинополѣ, написаша греческимъ языкомъ, и прочїи вселенстїи и помѣстнїи соборы прїимаша и утвердиша, якоже нынѣ исправлено противъ греческаго и напечатася словенскимъ языкомъ, безъ прилога «истиннаго» и безъ всякаго измѣненія, тако убо всемъ держати повелѣваемъ и глаголати въ церкви и повсюду *исповѣданіе православныя вѣры*». Какой выводъ можно сдѣлать изъ этихъ послѣднихъ словъ въ пользу «сообщенія изъ Вятки» и правильнаго пониманія авторомъ его отличія единовѣрїя отъ православія,—это, кажется, понятно всякому.

(Продолженіе будетъ!)